

Оперу нужно слушать глазами

Музыкальные авантюры английского дирижера в Канаде

Выживет ли в новом веке четырехсотлетняя опера? Грядет ли ее пятая молодость? Ваш корреспондент побывал на канадской фабрике, где раньше варили варенье, а теперь варят оперное будущее. И поговорил с Ричардом Брэдшоу, весьма знаменитым в американском континенте дирижером и страстным пропагандистом российских звезд за рубежом. Он один из тех немногих дирижеров мира, которые понимают: без классного режиссера и без молодых зрителей опере в XXI веке не жить.

Валерий КИЧИН

Варенье и Сметана

Я вошел в зал и остолбенел. Его называют не без юмора — «Колибри». Колибри крошечная птичка, зал же вмещает три тысячи. И вообще это Зал конгрессов, но в Торонто его используют для спектаклей Канадской оперной компании. Без подзвучки — но все почему-то слышно, от фортиссимо до пьаниссимо. Волишебное дело опера: каждый раз не понимаешь, как это может быть.

Сам театр — «оперный дом» по-английски — размещен в здании старой фабрики вишневого варенья. Здание гигантское, с цехом, где вору собирают авиалайнеры, но там варили варенье, и откуда в Канаде столько сладостен — неясно. Теперь в цехе репетируют Сметану, но художник Ричард Брэдшоу убежден, что там можно ставить спектакли.

«Такой бы цех Бертману для «Теликона!» — размечтался я. И вздрогнул, вообразив, какие сра-

зу открылись бы для оперы горизонты.

Имя московского режиссера Дмитрия Бертмана прозвучало не всуе. В Торонто еще грохочет эхо прошлогоднего скандала с его «Травиатой» — на спектакль было не попасть, газеты ругались и превозносили, публика восторженно вопила и тихо умирала в шоке. Художники Татьяна Тулубьева и Игорь Нежный придумали для Аннины, которая в «Травии» не более чем служанка, монументальное платье с шлейфом. Шлейф запомнился всем, потому что рос от такта к такту и к финалу вытягивался во весь простор сцены, увлекая хворую Виолетту с больничной койки за кулисы, где ждала ее смерть. Виолетту эмоционально пела Светелина Вассилева, болгарская сопрано. Она жила в двух мирах: один черный, где все бритоголовы, в черной коже и дискотечном мерцании, и другой — прекрасно белый, с кринолинами, как в мечте. Потом белизна мечты и роскошь костюмов опрокидывались в бе-

«Травиата» в Торонто. Версия Дмитрия Бертмана

лизну и безнадёгу больницы. О приколах этого спектакля в Торонто говорили многие, и похоже было, что двухмиллионный город состоит из опероманов. Хотя это не так.

— Говорят, здесь публика наивна, — сказал я Роберту Брэдшоу.

— Да, — подтвердил он. — Здесь нет таких культурных традиций, как в Москве.

В Москве Брэдшоу дирижировал «Травиатой» в Зале Чайковского, присмотрел Бертмана и ряд молодых певцов.

— Я о Бертмане даже не слышал, пока однажды в Европе не наткнулся на его «Пиковую даму» под фортепиано, сокращенную до

одного часа. Посмотрел и немедленно захотел работать с этим режиссером. И не ошибся: это блестящий талант, и мы друг друга хорошо поджигаем. «Травиата» была самым авантурным из наших проектов. А сейчас мы думаем о «Кольце Нибелунга».

Через компьютер — к Стравинскому

Авантюрист Роберт Брэдшоу, возглавивший Канадскую оперную компанию после оперы в Сан-Франциско, по происхождению англичанин и должен быть консервативен. Но он предпочитает вещи, не известные не только в Канаде, но и на всем континенте, да и в Москве тоже. В но-

вейшей истории театра — «Царь Эдип» и «Симфония псалмов» Стравинского, «Саломея» Рихарда Штрауса, «Замок Синей Бороды» Бартока, только что прошла премьера «Проданной невесты» Сметаны. На CD, записанных Брэдшоу, ни одного шлягера: «Жанна д'Арк», «Марта», «Эрмиона», «Альзира», «Моисей в Египте», «Набукко», «Лакме», «Вертер», «Андре Шенье», «Мефистофель» — вы их часто слышите в наших музыкальных академиях?

— Хочется одолеть традиционную ограниченность репертуара — и открывается совсем другой мир. Конечно, публика консервативна, и во всем этом много риска. Но приходит новый зритель. Он воспитан на телевидении, игровыми приставками «Нинтендо», у него другой ритм жизни и другие запросы. Он хочет зрелища сложного и развитого. Оперная аудитория молодеет — я это вижу по нашим спектаклям: у нас только аншлаги, и треть зала — моложе тридцати. Мы приглашаем режиссеров, которых молодые знают, — из кино. Таких, как Франсуа Жирар, Роберт Лепаж, Атом Эгоян. Я давно заметил: если фильм хорош, его смотришь ушами и слушаешь глазами.

— Думаете, кинорежиссеры способны смотреть музыку ушами, как вы?

— Я говорю о тех, чьи фильмы музыкальны по природе. Не в том смысле, что это мюзиклы. Вся атмосфера, все светозвуковое решение музыкальны. Жирар снял замечательную картину о пианисте Глене Гульде — вот так я хотел бы работать в опере! И «Царь Эдип» Стравинского, которого он у нас поставил, поражает воображение. Конечно, ставить оперу совсем не то же самое, что фильм. И возникают решения неожиданные, тоже рискованные. К тому же, вы знаете, в опере ужасный дефицит хороших художников по свету и понимающих жанр хореографов. Нам все это удалось пройти — сложилась отличная группа классического танца и есть интересный модернбалет. Северная Америка чем хороша — она динамичней, меньше скована предрассудками и больше расположена к новациям.

Где наши не пропадают

— Как долго живет оперный спектакль в Торонто?

— Шесть вечеров. Мы не Москва. И не Берлин, который по размерам сопоставим с Торонто, но имеет три оперных театра, 94 названия в репертуаре и до 15 премьер в год. У нас потенциальных зрителей гораздо меньше.

— Такая невероятная работа — и только для шести вечеров?!

— Иногда выезжаем на фестивали. Наши спектакли шли в Мельбурне, Нью-Йорке, Гонконге.

— Но та же «Травиата» — сгинула навсегда? Не жалко?

— Жалко. Мы ее повторим. Год через три.

— Но вы действительно рискованный. Репертуар ваш, мягко скажем, нетрадиционный — в Москве такого нет.

— Да, у меня уже были по этому поводу дискуссии в Большом. Но сейчас туда пришел Геннадий Рождественский, а для театра крайне важно, чтобы его лидером был дирижер такого уровня. Теперь вопрос в том, насколько новая политика, которую он предложит, сможет разбудить воображение молодых москвичей. Именно молодых.

— У вас шли русские оперы?

— «Пиковая дама», «Евгений Онегин», в концертном исполнении — «Иоланта», которую я обожаю. Ставили «Бориса Годунова» и в будущем году намерены вернуть его на сцену. Надеемся поставить «Демона» с Мецгерикой и Хворостовским. На днях премьера «Отелло» — поет ваш Владимир Богачев. Альфреда в «Травиате» пел Владимир Гришко с Украины. В этом смысле у меня на вас большие надежды — в бывшем СССР есть замечательные молодые певцы.

— А в Большом некого слушать. Все за границей.

— Конечно, здесь другие деньги. Это беда.

— Вы уже давно строите новое оперное здание — что так долго?

— Я называю это Тридцатилетней войной. Нужно было пробить проект через все три правительственных уровня. Но как убедишь их в неотложности этой стройки, если министр культуры не ходит в оперу? Политики вообще мало интересуются культурой. И их пугают суммы, которые нужны для искусства. Вот у вас Путин сразу понял необходимость перемен в Большом — совсем другое дело! Или это ему вовремя объяснил ваш министр культуры. В любом случае у оперы в Москве возникла хорошая перспектива.

— Как ваши новации принимает пресса?

— Многие критики приходят на спектакль, заранее зная, каким он должен быть. И сверяют: совпало или нет? Они не любят в опере удивляться. Хотя разве не за этим ходят в театр? А опера — театр!

— Вы счастливы?

— Когда встаю за дирижерский пульт перед началом спектакля, я становлюсь совершенно безумен от счастья. Фантастическое множество талантов собралось в фантастическом месте, чтобы сыграть фантастическую музыку!